
SOCIAL SCIENCES

Многоаспектность знания как фактора развития общества

Н. Н. Брюховецкий

Криворожский государственный педагогический университет
Corresponding author. E-mail: nicko2004@rambler.ru

Paper received 21.05.17; Accepted for publication 25.05.17.

Аннотация. В статье исследуется вопрос многоаспектной природы знания в контексте его рассмотрения как фактора развития общества. Делается вывод о существовании знания как фактора развития общества, по меньшей мере, в трех формах. В первой, субъективной форме знание, как состояния сознания, выступает субъективным духовным фактором общественного развития. Во второй, кодифицированной форме знание, как вид информации, в знаковом, символическом проявлении, предстает в роли объективного духовного фактора. В третьей, материализованной форме знание как средства и другие элементы общественного производства, является материальным опосредствованным практикой фактором развития общества.

Ключевые слова: Знание, фактор развития общества, субъективное знание, кодифицированное знание, материализованное знание.

Введение. В связи с такими глобальными тенденциями развития современной мировой экономики как информатизация и технологизация производства, а также сопутствующими социальными изменениями, в современном научном дискурсе все чаще участвует феномен знания. Этот феномен попадает в поле интереса разного типа исследований. Не исключением являются и социально-философские исследования, которые рассматривают знание с наиболее широкой точки зрения, пытаясь установить его роль в общественных процессах.

Пожалуй, одним из наиболее бесспорных постулатов в социальной философии является понимание знания как важнейшего фактора развития общества. Тем не менее, уже следующий шаг – отнесение знания к какой-то определенной категории названных факторов – будет весьма неоднозначным актом. Ключевыми же причинами такой неоднозначности выступают сама природа знания, а также характер и формы его связи с обществом.

Краткий обзор литературы по теме. Собственно факторы развития общества практически постоянно вызвали интерес историков и философов. Так, с исследованием отдельных факторов общественного развития связаны такие колоритные имена как Г.Гегель (мировой дух), Ж.Б. Боссюэ (провидение), Дж. Вико (население), А.Сен-Симон (человеческий разум), Н. Макиавелли (рок-фортуна), М. Вебер (капиталистический дух), Ж. Боден (климат), К. Маркс (производство и классовая борьба). Но невзирая на большое количество работ, посвященных рассмотрению факторов развития общества по-отдельности, в современной научной литературе ощущается явный недостаток общих исследований – связанных с выявлениями закономерностей, признаков, классификацией общественных факторов и т.д. В качестве положительного примера такой работы можно сослаться на исследование Ю. Семенова «Философия истории. (Общая теория, основные проблемы идеи и концепции от древности до наших дней)».

Особенность же проблемы знания как фактора развития общества заключается в том, что она рассматривается на стыке гносеологии и социальной философии. Здесь следует остановиться на ряде таких фун-

даментальных работ как «Субъект, объект, познание» В. Лекторского, «Теоретическое знание» В. Степина, «Личностное знание» М. Полани, «Объективное знание» К. Поппера. Также, на наш взгляд, для рассмотрения проблемы знания как фактора развития общества достаточно важной является работа С. Климова «Интеллектуальные ресурсы общества», в которой автор предлагает оригинальную классификацию знания как фактора общественного развития.

Отдельно следует обратить внимание на так называемую «теорию информационного общества», в пределах которой знание рассматривается как важнейшая движущая сила, иногда сама суть нового типа социума. В пределах данного аспекта, роль знания как сущностного фактора развития общества раскрывалась в трудах М. Хардта и А. Негри («Множество: война и демократия в эпоху империи»), М. Кастельса («Конец тысячелетия»), Д. Белла («Грядущее постиндустриальное общество»), В. Иноземцева («Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы»), Ф. Махлупа («Производство и распространение знаний в США»), П. Дракера («Посткапиталистическое общество»), Э. Гидденса («Последствия современности»).

Тем не менее, считаем, что проблема природы знания как фактора развития общества требует более внимательного изучения.

Цель. Подобная ситуация определяет цель данного исследования – выявление многоаспектности знания как фактора развития общества и обоснование его двойственной природы.

Методы исследования. Приоритетными в обширной методологии исследования являются системный, диалектический и междисциплинарный методы. Благодаря системному методу категории «общества» и «знания» рассматриваются как сложные и многоуровневые явления в целостности их компонентов. Диалектический метод (при условии отстранения от догматических и идеологических ненаучных искажений) позволяет учесть постоянную изменчивость социальной реальности, ее сложность и противоречивость. Междисциплинарная методология дает возможность интегрировать знания из разных сфер – социальной

философии, гносеологии, экономики, социологии и т.д.

Результаты и их обсуждение. Для начала, мы сочли нужным остановиться на самом понятии факторов развития общества. Под такими факторами мы понимаем определенные агенты влияния, которые находятся в детерминационной (обусловленной) связи с обществом. Учитывая большое количество факторов, в социальных науках существует ряд классификаций. Но прежде всего, выделяют факторы материальные и идеальные (духовные) [1, с. 422; 2, с. 11–23]. К идеальным или духовным факторам общественного развития относят религию, мораль, право, идеологию, менталитет [1, с. 390–402], «дух народа», то есть национальный характер, национальные чувства, национальное самосознание, а также более широкое понятие – национальную психологию [3]. Также история науки знала примеры выделения и такого рода идеальных факторов, как рок-фортуна Н. Макиавелли [1, с. 263], провидение Ж.Б. Боссюэ [1, с. 262–264, 284], мировой дух Гегеля [5, с. 70–73, 102–103; 1, с. 284] и капиталистический дух М. Вебера [6, с. 70–71, 76–77; 1, с. 396] и т.д. В качестве материальных факторов чаще всего называют природные условия существования социального организма: климат, ландшафт, количество населения, экологию, экономику и т.д. [4, с. 115, 117, 120; 1, с. 366–477; 7, с. 27–28, 80].

Но как мы упоминали, исходя из традиционной для науки классификации факторов на материальные и духовные, возникают определенные трудности с отнесением знания к той или иной группе факторов.

Так, в эпистемологии знание традиционно определяется как обоснованное истинное убеждение (мнение, утверждение). Указанное понимание имеет достаточно давнюю традицию и уходит своими корнями в диалог Платона «Теэтет» [8, с. 313], но является весьма актуальным и до сих пор [8, с. 16; 9, 10, с. 34; 11, с. 121; 12, с. 79–80; 13, с. 4]. Однако использование указанного понимания знания связано с определенными ограничениями. Речь о том, что опираясь только на вышеназванное определение знания, мы ограничиваемся рамками лишь субъективного понимания этого явления. В частности, философия еще со времен Платона тесно связывает понятие «знание» с понятием «обоснования» [13, с. 4; 14, с. 213]. Вообще, в понимании знания как истинного обоснованного убеждения (мнения), как, собственно, «убеждение» (или «мнение»), так и его «обоснованность», имеют такие атрибуты, которые невозможны вне сознания человека.

В данном случае мы полностью разделяем точку зрения Карла Поппера о том, что теорию познания, основанную только на таком понимании знания следует считать по своей сути субъективистской [12, с. 81] и во многом игнорирующей объективную составляющую знания [12, с. 80]. Безусловно, если даже ограничиться только указанным пониманием знания, то вполне очевидным будет отнесение его к духовным факторам развития общества, причем к исключительно к субъективной разновидности таких факторов.

На первый взгляд, указанная точка зрения может показаться в полной мере обоснованной. Так, декар-

товское «мыслю – следовательно существую» заложило фундаментальное представление о том, что познавательная деятельность невозможна без субъекта познания. Даже последовательно материалистическая эпистемология не может игнорировать тот факт, что познавательные мыслительные операции осуществляются в человеческой психике, сознании, человек мыслит «про себя», «в уме» [15, с. 169]. Кроме того, на тесной даже неразрывной связи с сознанием, а затем и на «молчаливом» характере знания, его «невяной» и «личностной» природе акцентировал внимание известный исследователь природы знания Майкл Полани [16, с. 19, 101, 140].

Действительно, знание не обязательно должно быть выраженным и переданным кому-то. Более того, знание содержит моменты, которые сложно выразить объективно [15, с. 169]. Такое знание основано на своего рода «неактуализированной», «невербальной» информации [17, с. 40–41]. Даже последовательный критик «субъективистской» эпистемологии Поппер, признавал атрибутивным компонентом знания его субъективную составляющую – то есть то, что состоит из состояний ума, сознания или диспозиций действовать определенным образом [12, с. 111].

Личностные и сознательные признаки знания, казалось бы, дают бесспорное основание, чтобы отнести его к духовной группе факторов развития общества. Однако, безусловно, названными признаками вся полнота феномена знания не исчерпывается.

Вступить в детерминационную связь с социумом знание может лишь в случае его объективизации, только когда знание становится по выражению С. Баттицева, «достоянием бессубъектного фонда знания, более того – фонда информации» [18, с. 253]. Только так знание становится доступно человеческому сообществу, а значит существует возможность его влияния в роли значимого общественного фактора.

Необходимость такого понимания знания подчеркивал К. Поппер в работе «Объективное знание. Эволюционный подход», в том числе отмечая простой способ объективации знания: «Критике доступно только объективное знание: субъективное знание становится доступным критике, только когда становится объективным. А объективным оно становится тогда, когда мы говорим то, что мы думаем, и еще больше – когда мы записываем это или печатаем» [12, с. 34].

То есть, согласно Попперу, знание существует в двух разновидностях – знание в объективном смысле, состоящее из проблем, теорий, рассуждений, аргументов как таковых [12, с. 111], что представляет собой основу «третьего мира» [12, с. 108], а также знание в субъективном смысле, состоящее «из состояний ума, сознания или диспозиций действовать определенным образом» [12, с. 71, 78, 111, 122].

Подобное разделение знания конструктивно не только в аспекте классификации факторов развития общества, но и позволяет решить проблему соотношения знания и информации, актуальную, в частности, для современной теории информационного общества. Так, в работах многих исследователей нового (информационного, постиндустриального) типа социума между понятиями знания и информации отсутствует различие, и они имплицитно используются

практически как синонимы. Указанный недостаток в большей или меньшей степени присущ исследованиям таких теоретиков как М. Хардт и А. Негри [19, с. 166], М. Кастельс [20, с. 77–78], Д. Белл [21, с. СLI], В. Иноземцев [22, с. 118–122]. И хотя в ряде случаев отдельные исследователи информационного общества также неявно подходят к различению указанных понятий, однако не совсем правильно, как нам представляется, проводят такое разграничение.

Так, например, Ф.Махлуп приходит к не совсем корректному, по нашему мнению, выводу о том, что вся информация в «обычном смысле этого слова» представляет собой знание [23, с. 15]. П. Дракер считает, что знание – это информация, которая имеет практическую ценность и служит для получения конкретных результатов, проявляющихся в обществе, экономике и т.д. [24, с. 99]. Другой типичный недостаток подобного направления отдельных работ исследователей связан с подменой понятий. Так, из контекста работ Энтони Гидденса следует, что знания, полученные в результате рефлексии и саморефлексии общества, являющиеся механизмом создания этого общества, представляют собой на самом деле не знания, а простую информированность. В частности, приводя пример «переосмысления социальной практики в свете знания о ней», автор «Последствий современности» указывает на «официальные статистические данные о, например, численности населения, количестве браков, разводов, преступлений и правонарушений» [25, с. 42]. Надо ли доказывать, что указанные сведения на самом деле принадлежат по своему характеру больше к категории информации, чем к знанию? Такой подход характерен не только для отмеченного выше частного случая, но и для всей концепции исследователя и, говоря о «рефлексивности современности», автор скорее подразумевает информированность в принятии решений на основе такой информированности.

Исходя из этого, по нашему мнению, при решении проблемы соотношения знания и информации конструктивнее руководствоваться классификацией К. Поппера, которая имеет в своей основе разделение знания на субъективное и объективное. Собственно субъективное знание, проходя процесс объективизации через устную речь, печатный текст, изображения и т.д., начинает существовать в форме информации. То есть, объективная форма существования знания означает его существования в виде информации, которая может быть передана, сохранена, зафиксирована. Конечно, это не означает, что любая информация представляет собой знание в объективной форме существования. Понятие информации гораздо шире: к ней можно отнести сведения, которые не имеют никакого отношения к знанию. Мы не можем отождествить информацию со знанием даже в случае сужения только до семантической информации – осмысленной ее разновидности [26, с. 48].

Следует отметить, что даже объективное знание в попперовском смысле, которое существует в форме информации, также есть основания отнести к духовным факторам развития общества – таким, как право, мораль, религия и т.д., которые тоже могут существовать в подобных формах. Однако, на наш взгляд, от-

несение знания только к группе духовных факторов развития общества, пусть и в обоих видах – субъективном и объективном, – значительно сужает поле влияния знания как общественного фактора. В действительности же это влияние гораздо шире: мы усматриваем в знании также и социально-экономический фактор развития общества.

К подобному пониманию социальной функции знания приближает его толкование в русле материалистической концепции. Так, согласно психологическим разработкам и научным поискам в области природы сознания, знание является следствием и результатом интериоризации внешнего мира и развернутых действий индивида [27, с. 131]. В результате такой интериоризации, знания, согласно А.Н. Леонтьеву, попадают на внутренний план, приобретая характер свернутых операций и умственных актов [27, с. 131]. При этом внешняя деятельность в виде оперирования объектами является не только простым средством объективации истинной деятельности мышления. Как справедливо замечает В.А. Лекторский, эта деятельность и является подлинной основой мышления [15, с. 171]. То есть знания, по мнению философа, существуют прежде всего в опредмеченной форме и опосредованы общественно сложившимся миром предметов [15, с. 169–181]. Близок к этой мысли и другой известный российский исследователь гносеологической проблематики В.С. Степин, по мнению которого знание формируется на основе практики и представляет собой идеализированную схему практически преобразованных материальных объектов [28, с. 36–37]. Названные процессы часто связывают с понятиями опредмечивания и распредемечивания [29, с. 155–156].

Учитывая подобное понимание социальной природы знания, интересную и весьма плодотворную, как нам представляется, классификацию предлагает С.М. Климов [30, с. 52]. По его мнению, знание может существовать в не только в субъективной и объективной форме, а и в кодифицированной. Субъективная форма представлена системой усвоенных или произведенных понятий, которые опосредуют отношение человека к действительности и могут быть организованы в модели действительности, схемы и алгоритмы деятельности. Кодифицированное знание представляет собой знаковую форму или форму символов (устный или письменный текст, формулы, изображения), которые передаются в процессе коммуникации, фиксируются и сохраняются. Объективированное знание – это интеллектуальные модели, воплощенные в объективной форме процессов деятельности, ее инструментов и результатов. Так, любой «промышленный продукт», по мнению С.М. Климова, представляет собой объективированное знание [30, с. 52]. Как видим, указанная классификация во многом перекликается с попперовским разделением знания на субъективное и объективное.

Важным преимуществом данной классификации является фиксация вида знания, которое воплощено в промышленных продуктах, средствах производства, орудиях труда. Однако мы видим определенную непоследовательность авторского названия такого вида знания как объективированное знание. Очевидно, что

второй вид знания в указанной классификации – знание кодифицированное – является также объективированным знанием, поскольку, например, в знаковом или символическом виде, знание получило объективную форму своего существования. Учитывая это, кодифицированное знание реально тоже подпадает под вид объективированного. Поэтому, чтобы выделить последний вид знания как относительно самостоятельный, по нашему мнению, более удачным был бы термин «материализованное знание». Таким образом, в случае выделения трех видов знания – субъективного, кодифицированного и материализованного (последние два вида являются по сути объективированной формой) – мы, во-первых, избежим путаницы в классификации и, во-вторых, охватим знание в качестве фактора развития общества во всех его проявлениях.

Остановимся на последней – материализованной форме существования знания. Процесс материализации знания приводит к воплощению его в определенном результате практической деятельности и непосредственного участия в производстве. Собственно в этом смысле материализованное знание в социуме выступает в качестве элементов общественного производства. «Техника, которую использует человек – по мнению Т.И. Ойзермана – является реализацией, объективацией, материализацией человеческих способностей, единством материального и идеального [31, с. 177]». И, следовательно: «Машина, с этой точки зрения, – «реализованная наука» [31, с. 185]». Такое понимание знания как результата и одновременно фактора практической деятельности человека, то есть, деятельности по преобразованию материальных объектов, позволяет включить знание в группу матери-

альных, опосредованных практикой, факторов развития общества.

Выводы. Следовательно, на наш взгляд, есть все основания говорить о своеобразной двойственности природы знания как фактора развития общества. Эта двойственность знания воплощается в его принадлежности к духовным и в то же время к опосредствованным практикой материальным факторам развития общества:

- в субъективной форме существования знание является духовным субъективным фактором развития общества;

- в кодифицированной форме знание можно отнести к духовным объективным факторам развития общества;

- в материализованных формах знание принадлежит к опосредствованным практикой материальным факторам развития общества.

Личностный характер и неразрывная связь с сознанием дают возможность говорить о субъективной форме существования знания и отнести его к субъективным духовным факторам развития общества. Существование знания в форме информации образует его кодифицированную разновидность и позволяет определить как объективный духовный фактор развития общества. В материальной форме существования знание предстает как опосредствованный практикой фактор общественного развития, воплощаясь во всех составных элементах общественного производства – средствах и предметах труда, технологии и организации производственных процессов. Подобное разнообразие форм существования знания как фактора развития общества выражают сложность и многоаспектность этого феномена.

ЛИТЕРАТУРА

- Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
- Алексеев П. В. Социальная философия: учебное пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. 256 с.
- Гнатенко П. И. Национальная психология. Днепропетровск: Полиграфист, 2000. 213 с.
- Вико Дж. Основания Новой науки. Перевод с итал. М. – К.: REFL-book – ИСА, 1994. 656 с.
- Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.
- Вебер М. Избранные произведения. Перевод с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000. 412 с.
- Платон. Тезет // Платон. Сочинения в 4 томах. Том 2. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Перевод с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 626 с.
- Chisholm R. M. *Percieving: A Philosophical Study*. N.Y.: Valley offset, inc., 1969. 215 p.
- Ayer A. J. *The Problem of Knowledge*. London: Macmillan & Co Ltd, 1956. 258 p.
- Gettier E. *Is Justified True Belief Knowledge? Analysis*, 1963. Vol. 23. pp. 121–123.
- Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Перевод с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
- Шрамко Я.В. Знания и убеждения: их развитие и критический пересмотр // Философия науки. 2005. № 1 (24). С. 3–19.
- Козаченко Н. Сокращение «Трилеммы Мюнхаузена»: проблема бесконечности и современные теории обоснования // Актуальні проблеми духовності. Кривий Ріг, 2012. Випуск 13. С. 213–231.
- Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 360 с.
- Полани М. Личностное знание. Перевод с англ. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
- Полішук О. П. Інтуїтивне мислення // Практична філософія. 2003. № 2. С. 37–44.
- Батищев Г.С. Проблема овещнения и ее гносеологическое значение // Гносеология в системе философского мировоззрения / Отв. ред. В.А.Лекторский, М.: Наука, 1983. С. 250–272.
- Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. Перевод с англ. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
- Castells M. *End of Millennium. Volume III: The Information Age: Economy, Society and Culture*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. 488 p.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. М.: Academia, 2004. 788 с.
- Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 304 с.
- Machlup F. *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1962. 416 p.

24. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 67–100
25. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge, Polity Press, 1996. 186 p.
26. Попович М.В. Философские вопросы семантики. К.: Наукова думка, 1975. 299 с.
27. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2-х тт. Т. I. М.: Педагогика, 1983. 392 с.
28. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
29. Афонов А.П. Социально-философский аспект социализации индивида в системе общественного производства // Практична філософія. № 1. 2002. С. 150–157.
30. Климов С. М. Интеллектуальные ресурсы общества. СПб.: Знание, 2002. 199 с.
31. Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 568 с.

REFERENCES

1. Semenov Yu. I. *Philosophy of history. (General theory, basic problems, ideas and concepts from antiquity to the present day)*. Moscow, Sovremennye tetrady Publ., 2003. 776 p. (in Russian).
2. Alekseev P. V. *Social Philosophy: Textbook*. Moscow, TK Velbi, Prospekt Publ., 2004. 256 p. (in Russian).
3. Gnatenko P. I. *National Psychology*. Dnepropetrovsk, Poligrafist Publ., 2000. 213 p. (in Russian).
4. Viko Dzh. *Foundations of the New Science*. Translation from Italian. Moscow – Kiev: REFL-book – ISA Publ., 1994. 656 p. (in Russian).
5. Gegel' G. V. F. *Lectures on the philosophy of history*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 480 p. (in Russian).
6. Veber M. *Selected Works*. Translation from German. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (in Russian).
7. Boden Zh. *The method of easy knowledge of history*. Moscow, Nauka Publ., 2000. 412 p. (in Russian).
8. Platon. *Teetet // Plato. Works in 4 volumes. Volume 2*. Translation from Ancient Greek. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2007. 626 p. (in Russian).
12. Popper K. R. *Objective knowledge. Evolutionary approach*. Translation from English. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 384 p. (in Russian).
13. Shramko Ya.V. Knowledge and belief: their development and critical revision. *Philosophy of Science*. 2005. № 1 (24). pp. 3–19. (in Russian).
14. Kozachenko N. The reduction of the "Mühchhausen's Trilemma": the problem of infinity and modern theory of justification. *Actual problems of spirituality. [Aktual'ni problemi dukhovnosti]*. Kryvyi Rih, 2012. Volume 13. pp. 213–231. (in Russian).
15. Lektorskiy V.A. *Subject, object, knowledge*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 360 p. (in Russian).
16. Polani M. *Personal knowledge*. Translation from English. Moscow, Progress Publ., 1985. 344 p. (in Russian).
17. Polishchuk O. P. Intuitive thinking. *Practical philosophy [Praktichna filosofiya]*. 2003. № 2. pp. 37–44. (in Ukrainian).
18. Batishchev G.S. The problem of omnification and its epistemological significance. *Gnoseology in the system of philosophical worldview*. Moscow, Nauka Publ., 1983. pp. 250–272. (in Russian).
19. Khardt M., Negri A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. Translation from English. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. 559 p. (in Russian).
21. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. Translation from English. Moscow, Academia Publ., 2004. 788 p. (in Russian).
22. Inozemtsev V.L. *Modern post-industrial society: nature, contradictions, perspectives*. Moscow, Logos Publ., 2000. 304 p. (in Russian).
24. Draker P. *Post-capitalist society. A new post-industrial wave in the West. Anthology*. Moscow, Academia Publ. 1999. pp. 67–100 (in Russian).
26. Popovich M.V. *Philosophical questions of semantics*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1975. 299 p. (in Russian).
27. Leont'ev A.N. *Selected psychological works. In 4 volumes. Vol. 1*. Moscow, Pedagogika Publ., 1983. 392 p. (in Russian).
28. Stepin V.S. *Theoretical knowledge*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 744 p. (in Russian).
29. Afonov A.P. Socio-philosophical aspect of the socialization of the individual in the system of social production. *Practical philosophy [Praktichna filosofiya]*. 2003. № 1. pp. 150–157. (in Russian).
30. Klimov S. M. *Intellectual resources of society*. St. Petersburg, Znanie Publ., 2002. 199 p. (in Russian).
31. Oyzerman T.I. *Marxism and utopianism*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 568 p. (in Russian).

Multidimensional nature of knowledge as a factor of social development

N. N. Briukhovetskiy

Abstract. The paper explores the multidimensional nature of knowledge in the context of its consideration as a factor in the development of society. It is concluded about the existence of knowledge as a factor of social development at least in three forms. In the first subjective form the knowledge, as states of mind, is the subjective spiritual factor of social development. In the second codified form the knowledge, as the type of information in the sign, symbolic kind, acts as an objective spiritual factor. In the third materialized form the knowledge as the means and other elements of social production, is the mediated by practice material factor in the development of society.

Keywords: knowledge, factor of social development, subjective knowledge, codified knowledge, materialized knowledge.